

ДЕТСКОЕ НАЧАЛО КАК ЭЛЕМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТАЛИЗАЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кукса Полина Викторовна
кандидат филологических наук, доцент,
Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище,
390031, город Рязань, площадь Маргелова, дом 1

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается мотив «детскости» в русской литературе. Работа посвящена художественному воплощению категории детскости в произведениях писателей русской литературы. Проведен краткий анализ образов взрослых персонажей, включающих в себя детские черты. В качестве эмпирического материала привлечены произведения Ф.М. Достоевского, М.А. Шолохова.

На примерах некоторых героев указанных авторов показано, что детскость их положительно влияет на других, спасая и наставляя на путь истинный.

Ключевые слова: детскость; мотив детскости; детский мотив; образ ребенка; детский образ; детское начало; психологическая деталь; Ф.М. Достоевский; М.А. Шолохов.

ABSTRACT

This article discusses the “childishness” motif in Russian literature. The work is devoted to the artistic embodiment of the category of childishness in the works of writers of Russian literature. A brief analysis of the images of adult characters, including children's features. As an empirical material, the works of F.M. Dostoevsky, M.A. Sholokhov.

On the examples of some of the heroes of these authors, it is shown that their childishness positively influences others, saving and guiding the true path.

Keywords: childishness; childish motive; children's motive; image of a child; children's image; childish start; psychological detail; F.M. Dostoevsky; M.A. Sholokhov.

Многие исследователи литературы сходятся во мнении, что детство как духовное состояние, отличающееся собственной внутренней ценностью, выявляют в английской прозе романтического направления. До романтизма повествование о детях строилось вокруг воспитательного процесса становления личности, обращения детей во взрослых. Представители романтизма обнаружили и отметили в ребенке в то, что отличает его от взрослого, а «в наивной незамутненности детского сознания и в чистоте души ребенка увидели отражение высшей божественной мудрости»[3, 115].

Детский мотив является константой в творчестве русских писателей. Отражение детскости в образах взрослых персонажей представляет собой проявление авторской концепции. В отечественном литературоведении «детскость» исконно являла знак чистоты и невинности, целомудрие, открытости внешнему миру.

В русской литературе романтическая тенденция, представляющая собой творческое выражение детскости, отмечается в произведениях Федора Михайловича Достоевского.

Писатель обнаруживает в своем творчестве христианское открытие ребенка во взрослом персонаже, обосновывая его с поэтико-метафизической точки зрения.

Религиозно-философские представления Ф.М. Достоевского, который в течение всего своего творчества стремился постичь загадку души человека, воплощаются сквозь призму детских образов и всевозможные выражения натуры ребенка во взрослых персонажах.

Особенно широко детское начало раскрывается в образах персонажей романов «Преступление и наказание» и «Идиот». Причем детскость в героях

Достоевского выполняет различные функции. Детскость взрослого персонажа представляет собой своего рода знак воскресения героев романа.

Вышесказанное относится в большей степени к главному герою «Преступления и наказания» – Родиону Раскольникову. Теория героя демонстрирует ранимые места именно в конфликте с детским мировосприятием. Раскаяние героя перед Соней Мармеладовой – это своего рода признание ребенку. Девушка показывает Раскольникову дорогу к воскресению через мучения, религию, любовь. На каторге герой возвращается к жизни, превращаясь в невинного мальчика из своего сна.

Мотив детскости не ограничивается в произведениях Достоевского исключительно описанием страданий детей, социальной несправедливости. Именно с детским началом связаны горестные думы писателя о будущем, о духовно идеальном и счастливом человеке.

В произведении всегда очевидно авторское мнение: он очень любит и жалеет своих несчастных маленьких героев. Соню Мармеладову и Лизавету в минуту страха Достоевский сопоставляет с маленькими. Соня по-детски робеет в минуты признания героем в убийстве (замирает, испытывая «детский испуг»). Неподвижным и беспокойным взглядом, как маленький ребенок смотрит Лизавета перед страхом собственной смерти. Детские черты любимых взрослых героев писателя в произведении символизирует не наивность и глупость, а святость и душевную чистоту.

Взрослое и детское в главном герое «Преступления и наказания» в структуре романного действия существуют в постоянной оппозиции. Противостояние завершается в конце романа практически абсолютной победой детскости над взрослыми составляющими образа персонажа.

Раскольников будто возвращается в детство в результате представившейся возможности начать жизнь заново. Персонаж переживает нравственное и духовное перерождение с помощью детской составляющей своего образа.

«Детское начало» в фигуре Сони Мармеладовой обнаруживается посредством свойственной ей детскости как основы ее естества. На примере

героини автор показывает, что детскость персонажа благотворно действует и на окружающих его людей, спасая их от духовного падения.

«Детское начало» в образах персонажей представляет собой своего рода ценностную характеристику. Повышенный интерес к теме детства у Достоевского следует из его мировоззрения. Ввиду того, что Достоевскому всегда было важно показать читателю становление личности, мотив детскости постоянно присутствует в структуре его повествования.

В качестве наиболее показательного примера исследователи приводят роман «Идиот», поскольку именно в данном произведении мотив «детскости» в образах взрослых персонажей получил самое широкое развитие. При этом следует отметить, что в романе практически каждое действующее лицо в разной степени сопоставляется с ребенком, Подобные аналогии Достоевский проводит в наиболее значимые моменты в судьбах персонажей. Часто с ребенком сравнивается Лизавета Прокофьевна. Это замечают все окружающие и сама героиня («это со мной бывает»). Детские черты присущи и ее дочери – Аглае и даже Настасье Филипповне. Но особенно убедительно мотив детскости проявляется в образе главного героя романа – князе Мышкине («совершенный ребенок», похожий на взрослого только внешне).

Детское начало и его функции в художественном целом эволюционируют в образе князя Мышкина – главного героя романа «Идиот». Герой Достоевского являет собой воплощение некоего высшего сыновьего начала. В поэтике романа образ главного героя играет роль духовного мерилы степени наличия детского начала в каждом из персонажей. При этом образ Мышкина представлен абсолютно законченным с художественной точки зрения. Поражение князя связано с представлением о победе наивной детскости над безумной взрослостью.

В эпизоде первой встречи князя Мышкина с семьей генерала Епанчина из уст Ивана Федоровича звучат знаковые фразы, достаточно четко описывающие образ князя («совершенный ребенок», «такой жалкий», «с ним можно еще в жмурки играть»). В течение небольшого отрывка, описывающего сцену

знакомства Епанчиных с Мышкиным, неоднократно произносятся слова «ребенок» и «совершенный». Данный факт бесспорно показывает писательское отношение к образу главного героя как к ребенку.

Также небезынтересным нам кажется отметить использование в указанном эпизоде слов «совершенный» и «совершенство» с точки зрения их эмоционально-образной оценки. Слова с данным корнем встречаются в романе Достоевского и в другом отрывке, но относятся они к характеристике Настасьи Филипповны самим князем («в вас все совершенство»). Образ героини в большей степени по сравнению с другими персонажами включает в себя детское начало и черты совершенства и божественного.

В романе сравнивается с «совершеннейшим ребенком» и Лизавета Прокопьевна. Интересно отметить, что неоднократно звучащее повторяющееся сопоставление подводит к идее о том, что «детскость» в персонажах Достоевского выступает как уникальная психологическая деталь.

Князь Мышкин в большинстве сцен произведения представлен как дитя, главными характеристиками которого служат душевная чистота, абсолютная безгрешность и святость. Однако сам персонаж за «детскостью», которой ему часто пеняют окружающие, чувствует собственную беспомощность, неприспособленность к жизни, оторванность от происходящего вокруг и даже, в некоторой степени, глупость. Подобные аналогии порой раздражают Мышкина. В связи с этим иногда он протестует против суждений других о себе как о ребенке («вы меня за маленького принимаете?»).

В то же время некоторые персонажи отмечают в князе иную детскость, характеризующую великую мудрость и истинную зрелость. Иногда героя сравнивают с пастухом («пастушески смотрите на жизнь»), а в библейском смысле пастух (пастырь), как известно, связан с образом Иисуса Христа.

Г.С. Померанц совершенно справедливо заявляет о том, что в открытии ребенка у Достоевского сосуществуют два «измерения» в открытии ребёнка у Достоевского – христианском и романтическом [2, с. 237].

Отдельно следует сказать о «христианском открытии», проистекающем в творчестве Достоевского посредством утверждения православной сути в ребенке и через ребёнка: «Младенец сливается в его уме со Христом, и он в очень сходных выражениях говорит о ребенке и о Христе, как об оправдании мира» [2, с. 245]. Верование у автора романа «Идиот» соотносится с чистой непорочной «улыбкой младенца».

В романе «Тихий Дон» Михаила Александровича Шолохова многие персонажи изображаются автором в сопоставлении с детьми. Как справедливо утверждает Н.А. Дворяшина, у писателя, ребенок «при всей его малости и хрупкости, наделяется силой, способной вернуть закаменевшую, отчаявшуюся человеческую душу к свету, жизни, спасти от падения» [1, с. 4]. При этом отождествление взрослых детям отмечается как в описаниях внешности, так и в описаниях внутреннего мира героев.

Писатель «с его глубинным постижением народного мира, конечно же, не мог оставить вне своего художественного сознания категорию детства, не только как непремennую составляющую человеческого бытия, но и как доминанту, определяющую его содержание и смысл» [1, с. 5].

Как это ни удивительно, наиболее системно мотив «детскости» соотнесен в «Тихом Доне» с образом Григория.

Смелый, решительный, нередко безрассудный воин, он при этом по-детски восприимчив к зверствам и бесчеловечности войны: «От потери крови мутила тошнота, и он плакал, как ребенок, грыз пресную в росе траву, чтобы не потерять сознание. Возле опрокинутого зарядного ящика встал, долго стоял, качаясь, потом пошел» [4, с. 364].

В одной из сцен произведения Григорий ощущает себя младенцем: «Григорий дрожал больше, чем лошади, чувствовал, что на ногах он так же слаб сейчас, как грудной ребенок» [4, с. 197].

Аналогичные сопоставления демонстрируют противоречивость природы Григория Мелехова, который словно ребенок всем сердцем переживает

происходящее вокруг него. Герой распахнут для мира, по-детски наивен и при этом даже не пытается сдерживать собственные чувства и эмоции.

Черты ребенка в Григории очевидны и для окружающих его людей. В определенные моменты персонажи даже указывают Мелехову на его мальчишеское поведение: «Дуришь, Григорий Пантелеевич! Как мальчишка ведешь себя! – Ты что, ко мне воспитателем приставлен? – огрызнулся Григорий» [7, с. 97]; и еще: «Ты, милый мой, будто новорожденный...» [5, с. 197].

Несмотря на явный укор, который слышится в приведенных выше репликах произнесенных в разное время Копыловым и Извариным в адрес персонажа и его ребячества, детскость обнаруживает в Григории самые лучшие качества его природы. Обратимся к тексту романа М.А. Шолохова: «На вновь явившийся ему мир он смотрел чуточку удивленными глазами, и с губ его подолгу не сходила простодушная, детская улыбка, странно изменявшая суровый облик лица» [7, с. 233-234].

Григорий, как и окружающие, с изумлением обнаруживает в себе детские черты. «В нем словно навсегда осталось то наивно-ребяческое чувство, родившееся в первые дни четырехлетней войны, когда он под Лешнювом с кургана наблюдал в первый раз за суетой австро-венгерских войск и обозов» [6, с.85].

В самые тяжелые моменты первого сражения окружающие его люди представляются Мелехову детьми. «Он бросил поводья и, сам не зная для чего, подошел к зарубленному им австрийскому солдату. Тот лежал там же, у игривой тесьмы решетчатой ограды, вытянув грязную коричневую ладонь, как за подающим. Григорий глянул ему в лицо. Оно показалось ему маленьким, чуть ли не детским, несмотря на вислые усы и измученный – страданием ли, прежним ли безрадостным житьем, – покривленный суровый рот» [4, с. 277].

В упомянутой сцене «детское» лицо первого пораженного Григорием неприятеля выступает как знак непрочности жизни, безмолвное порицание души Мелехова, а по существу – это также весьма значительный

психологический микрообраз, характеризующий чуждость Григорию целей непонятной для него войны.

Автор «Тихого Дона» нередко акцентирует внимание читателя на простодушии иллюзий своего героя по поводу возможности избежать войны: «Об этом тоже тяжело и горько было думать. Все это было не так-то просто. Вся жизнь оказалась вовсе не такой простой, какой она представлялась ему недавно. В глупой, ребячьей наивности он предполагал, что достаточно вернуться домой, сменить шинель на зипун, и все пойдет как по-писаному: никто ему слова не скажет, никто не упрекнет, все устроится само собой, и будет он жить да поживать мирным хлеборобом и примерным семьянином. Нет, не так это просто выглядит на самом деле» [7, с. 367-368].

Детские свойства натуры отмечаются и в образах некоторых других персонажей романа. Конюх Листницких дед Сашка сопоставляется с ребенком практически на протяжении всех эпизодов, в которых он присутствует. Обратимся непосредственно к тексту произведения: «Низенький, весь в зеленой седине (на руках и то рос седой волос), с носом, расплюснутым еще в детстве ударом чекмаря, вечно улыбался он голубой детской улыбкой, мигая на окружающее простодушными, в красных складках, глазами» [4, с. 182].

Детские черты свойственны и образу Аксиньи. После исцеления от затяжной и тяжелой болезни героиня испытывает по-детски безудержную радость, ликует, наблюдая мир вокруг себя. «Иным, чудесно обновленным и обольстительным, предстал перед нею мир. Блестящими глазами она взволнованно смотрела вокруг, по-детски перебирая складки платья» [7, с. 291].

Житейская умудренность, обширный опыт душевных мучений и необузданных страстей причудливым образом сочетаются в Аксинье с детски упрямой верой в силу любви к Григорию: «Тревога за жизнь любимого сверлила мозг... ночь, всю дотла, билась Аксинья в немом крике, в слезах кусая руки, чтобы не разбудить ребенка, утишить крик и нравственную боль убить физической. В пеленки выплакивала излишки слез, думая в детской своей

наивности: «Гришкино дите, он сердцем должен почуять, как тоскую об нем» [4, с. 361].

Детское начало в изображении взрослого – одно из интереснейших открытий Шолохова-художника, которое своеобразно претворяется в поэтике психологической детали и иллюстрирует добрые чувства писателя к своему герою.

Издавна именно с детьми русская литература связывала ожидания и надежды на предстоящее. Детское начало имеет для писателя и его творчества огромное значение. Герой в своих детях ощущает жизненную почву и основательную поддержку, объективную возможность «возвращения к жизни».

По глубокому убеждению литературоведов, «детство в произведениях Шолохова не является вневременной категорией. Малые герои писателя глубоко погружены в стихию общественных сдвигов» [1, с. 6].

Дети у Шолохова «перед лицом жестокого мира обретают не известный литературе род трезвости» [1, с. 7].

У Шолохова, взрослые, не имеющие детей, испытывают чувство горького одиночества. В связи с этим вполне объясним финал романа «Тихий Дон», в котором звучит горестная мольба Григория Мелехова, обращенная к Мишатке: «Сынок, сынок...».

Глубокий анализ детского начала в произведениях русской литературы демонстрирует глубокое и органичное взаимопроникновение портретной и психологической деталей, связанных с образом ребенка.

Таким образом, мотив детскости в русской классической литературе включает в себя значимые философские, психологические и этические аспекты. Писатели акцентируют свое внимание на проблемах взрослого с натурой ребенка с окружающими и средой. Показывают, что черты ребенка, дитя во взрослом персонаже во многом определяют судьбу персонажа, а также влияют на авторское к нему отношение. В творчестве русских писателей присутствует много взрослых «детей», персонажей, сохранивших черты ребенка в своей натуре.

Традиционно детское начало в русской литературе отображается авторами в положительном значении. Герои с детскими чертами в характере имеют своеобразный взгляд на действительность. Они честны, наивны и открыты окружающим. При этом взрослые «дети» обладают богатым воображением и верой в счастливое будущее.

Мотив детскости проявляется и в негативном ключе. Некоторым взрослым персонажам присущи такие детские характеристики как эгоизм, абсолютная несамостоятельность, беспомощность и зависимость от окружающих. Перечисленные качества вносят разлад и противоречие в личность персонажа.

Однако необходимо отметить, что чаще детское начало в образе взрослого персонажа имеет в произведениях Достоевского и Шолохова положительную коннотацию.

В произведениях Достоевского и Шолохова можно обнаружить аналогии между душевным состоянием персонажа с чувствами ребенка.

Важно отметить, что детское начало является не только составной частью внутреннего мира персонажей, и часто транслируется в их внешности.

В заключение следует отметить, что все персонажи Достоевского и Шолохова, представляющие собой всевозможные виды детского характера, являются структурными компонентами сложной синтетической системы образов художественного мира русской литературы. Каждый из указанных компонентов при этом играет собственную роль.

Взаимодействие персонажей Достоевского и Шолохова, по мнению авторов, является необходимым условием раскрытия образов. С этой целью персонажи на страницах романов писателей, как мы часто обнаруживаем, образуют своего рода группы, в составе которых действующие лица дополняют друг друга, выявляя его положительные и отрицательные свойства натуры.

Подробное исследование детского начала в творчестве Ф.М. Достоевского и М.А. Шолохова позволяет точнее ощутить мировоззрение авторов, глубже проникнуть в мир их произведений.

Список литературы

- 1 Дворяшина Н.А. Мир детства в творчестве М.А. Шолохова // Литература в школе. 2007. № 12. – С. 4-8
- 2 Мнацакан К.М. Образ ребенка и категория детскости в викторианской литературной сказке // Вестник ПСТГУ. III Филология 2007. Вып. 3 (9). С. 115-120
- 3 Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М., 1990.
- 4 Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т.2. М., 1965. 414 с.
- 5 Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 3. М., 1966. 414 с.
- 6 Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т.4. М., 1966. 438 с.
- 7 Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т.5. М., 1966. 503 с.